

ТАЙНА
ТРИНАДЦАТИ
АПОСТОЛОВ

Елизавета Петровна поежилась и обхватила себя руками за плечи. Да уж, в Эрмитаже всегда сквозняки. Хотя у нее зал угловой, последний по коридору, так что и не поймешь, откуда дует. С одной стороны, все-таки хорошо, спокойно, нечасто заглядывают посетители, только если с экскурсией. А с другой стороны — скучно, за весь день не с кем словом перемолвиться.

И картин всего несколько, все портреты. Среди них Елизавета Петровна отличает три. Портрет кардинала кисти Якопо Пальмы Старшего, портрет адмирала Джузеппе Морозини знаменитого Тинторетто и портрет монаха-доминиканца работы неизвестного итальянского художника, скорее всего тоже венецианца.

В зал зашли посетители — парочка молодых людей. Студенты или школьники. Этим все равно, куда ходить, лишь бы вместе. Так и есть, парень обнял девушку за плечи, она громко хихикнула.

Елизавета Петровна строго выпрямила спину и предостерегающе кашлянула.

Не поняли. Или просто не услышали. Девчонка повисла на своем парне, и они самозабвенно принялись целоваться. Ну что тут будешь делать?

8 Елизавета Петровна встала и огляделась. В зале, кроме парочки, не было никого. Только адмирал Морозини с портрета смотрел сурово, да монах слегка улыбался — дело молодое...

Но все же это непорядок.

— Молодые люди, — строго сказала Елизавета Петровна, — здесь все-таки музей, а не ночной клуб! Ведите себя прилично!

Девчонка оторвалась от своего парня и оглянулась удивленно — а что такого?

— Точно, не ночной клуб, — сказал парень с насмешкой, и в глазах его Елизавета Петровна отразилась вся — немолодая усталая женщина, одетая слишком скромно, чтобы не сказать бедно.

И очки сегодня утром сломались, так что пришлось наскоро залепить оправу клейкой лентой, и туфли старые, со стоптанными каблуками, она не выбрасывает их, потому что удобные очень, а то в новых-то целый день не отсидишь...

Елизавета Петровна скосила глаза на портреты, словно ища у них поддержки. Кардинал смотрел равнодушно, точнее, вообще в сторону посетителей не смотрел. Зато во взгляде адмирала Морозини прибавилось суровой непреклонности, он сжимал свой жезл твердой рукой. И даже монах, кажется, перестал улыбаться.

Елизавета Петровна еще больше выпрямила спину, так что теперь ей удалось взглянуть на парочку сверху вниз.

— Люди приходят сюда, чтобы смотреть на прекрасное, — отчеканила она, — а целоваться можете в другом месте. Вы меня поняли?

— Я понял, — кротко сказал парень, хотя в глазах его прыгали чертики, — люди приходят сюда, чтобы смотреть на прекрасное, особенно в этом зале.

Девчонка фыркнула, и Елизавета Петровна закончила про себя фразу парня: «А что тогда здесь делаешь ты, музейная серая мышь? На тебя-то уж точно смотреть никто не захочет, оторопь берет...»

Елизавета Петровна недаром была тезкой знаменитой российской императрицы, чем очень гордилась. Она смотрела на парня твердо, не мигая, и даже во взгляде ее появилась суровая непреклонность адмирала Морозини. Не зря говорят — с кем поведешься, от того и наберешься.

Парень первым отвел глаза. Девушка потянула его за рукав, и они ушли, едва слышно перешептываясь. Елизавета Петровна расслабила мышцы лица и плюхнулась на стул. Все же эти мелкие стычки несколько выводят из себя. Может быть, сменить работу? Да куда она пойдет в свои без малого семьдесят лет...

Тяжело вздохнув, Елизавета Петровна снова зябко поежилась и решила выпить чаю. Хотя до перерыва еще час, она должна согреться. А то еще заболит.

И то сказать — осень, скоро наступят холода, сегодня в маршрутке какой-то мужчина всю дорогу надсадно кашлял, разнося вирусы по всему салону.

Елизавета Петровна вышла из своего зала и тщательно заперла дверь. Вот удобство углового помещения — дверь всего одна. Раньше они уходили, просто повесив в проем малиновый шнурок, и дисциплинированные посетители знали, что в этот зал входить нельзя. Но после случая кражи картины руководство музея распорядилось двери запирать.

Елизавета Петровна вернулась минут через сорок. И то торопилась, да ведь идти еще по этим залам минут десять. Итого туда и обратно двадцать, да двадцать минут на чай, меньше никак нельзя.

Ничего, будний день, народу в музее не так много, переживут посетители, если портреты не увидят. И без

10 них в музее есть на что посмотреть. После чая она согрелась и приободрилась, так что отперла дверь твердой рукой и вошла в зал.

Что-то было не так. А именно: на полу посреди зала лежал человек. Лежал он ничком, так что лица не было видно.

Первым чувством Елизаветы Петровны было возмущение. Да что же это такое, что эти посетители себе позволяют? Разлегся посреди зала, как у себя дома! Она не подумала, что дома люди все же не лежат на полу. Вся во власти праведного гнева, Елизавета Петровна решительно шагнула вперед и оказалась рядом с лежавшим.

— Товарищ! — От волнения она забыла, что такое обращение уже давно вышло из моды. — Товарищ, немедленно вставайте! Здесь все-таки музей, а не пляж!

Лежавший не шелохнулся. Елизавета Петровна наклонилась, чтобы тронуть его рукой, потрясти за плечо, но ее остановила непонятная робость. Мужчина лежал неподвижно.

Елизавета Петровна вдруг почувствовала, что перед глазами у нее встала мутная пелена. Ей показалось, что что-то не так с затылком мужчины, а затем она увидела, что какое-то темное пятно расплывается вокруг лежащей головы. Дрожащими руками Елизавета Петровна сняла очки, чтобы протереть их чем придется, и проклятые очки выпали у нее из рук прямо на лежащего человека.

— Эй! — Она наклонилась за очками. — Эй, гражданин, вам плохо?

До нее дошло, наконец, что живой человек не может быть так неподвижен. Она бестолково шарила рядом, пытаясь поднять очки, и совсем близко увидела лужу вокруг головы. И поняла ясно, что это не что иное, как кровь, что человека ударили по голове чем-то тяжелым

и он вполне может быть мертв. И ударили его совсем недавно, потому что кровь не то что не успела засохнуть, а вообще только-только вытекает, лужа увеличивается на глазах. 11

Осознав эту мысль, Елизавета Петровна хотела вскочить и бежать от тела как можно дальше, взывая о помощи. Но ноги ее предательски подкосились, и она с размаху села на пол, причем уловила, что под ней что-то хрустнуло.

«Очки!» — поняла Елизавета Петровна.

Не в силах находиться рядом с неподвижным телом, она на четвереньках отползла в сторону. При этом оказалось, что очки не разбились окончательно, просто треснули стекла да еще больше погнулась оправа. Нацепив кое-как очки на нос, Елизавета Петровна почувствовала себя увереннее и опасно посмотрела на тело.

Это был мужчина, одетый во что-то черное — не то куртка, не то плащ. Волосы на затылке мокрые от крови, а макушка лысая, похожа на тонзуру у монаха.

Вспомнив по аналогии про другого монаха, Елизавета Петровна перевела взгляд на портреты. Улыбка монаха была грустной — еще бы ему веселиться, кардинал по-прежнему был равнодушен к делам земным, а с адмиралом Морозини было что-то не так...

Елизавета Петровна ничего не могла разглядеть в сломанных очках и пыталась подойти ближе к портрету. Для того чтобы встать, понадобилось подползти к стене. Приняв вертикальное положение, она огляделась и мелкими шажками двинулась к портрету.

На первый взгляд адмирал был в порядке. Такой же суровый непреклонный взгляд, блестящая кираса, в руке жезл... Но что это? Жезл был весь в чем-то красном. Да что там, ясно было, что жезл в крови. Кровь стекала с жезла крупными каплями и капала на ковер.

12 Елизавета Петровна замерла на месте, затем перевела взгляд на тело, потом снова на портрет. Не было сил повернуться, она просто крутила головой, как сова.

— Что же это? — прошептала она. — Как же это? Зачем вы это сделали?

Адмирал молчал. Внезапно Елизавете Петровне показалось, что монах на портрете издевательски смеется, а кардинал гневно вперил в нее палец, адмирал же потряс окровавленным посохом.

Это было уже слишком, и Елизавета Петровна упала на пол в обмороке.

— Василий, имей совесть! — Дмитрий Алексеевич Старыгин укоризненно взглянул на необычайно пушистого рыжего кота, который, изображая на морде тщательно отрепетированное омерзение, отошел от мисочки с сухим кормом.

Василий взглянул на хозяина укоризненно: сам-то небось завтракаешь деликатесами, а несчастному животному подсунул эту дрянь!

Действительно, на антикварном столике перед Старыгиным стояла большая чашка капучино, посыпанного тертым шоколадом, и лежал настоящий итальянский бутерброд — ломтик свежей чабатты с сыром моцарелла и вялеными помидорами. Дмитрий Алексеевич любил все итальянское, начиная с итальянской живописи эпохи Возрождения и заканчивая итальянской кухней.

Впрочем, отношение к итальянской живописи у него было профессиональным: он был одним из самых крупных экспертов и известным реставратором и работал не где-нибудь, а в Государственном Эрмитаже.

— При чем здесь я! — ответил Старыгин на укоризненный кошачий взгляд. — Разве это я был на смотре

у ветеринара? Разве это мне Ашот Арутюнович 13
прописал строжайшую диету?

Кот попытался взять хозяина на жалость — сгорбил, уставившись в пол, и медленно пошел прочь, подволакивая лапы, как будто у него и сил уже не осталось не то что бегать, а просто идти. Сердце у хозяина привычно кольнуло — не камень ведь, и кот уже облизнулся, предчувствуя, как в мисочке появится кусок ветчины или сыра провалоне, но делу помешал неожиданный телефонный звонок.

Старыгин тяжело вздохнул: вот всегда так! Не дадут насладиться первой утренней чашкой кофе!

Он протянул руку, взял трубку и поднес ее к уху:

— Слушаю!

— Дмитрий Алексеевич, голубчик, вы еще дома? — донесся из трубки хорошо знакомый Старыгину голос — голос заведующего отделом итальянской живописи Александра Николаевича Лютостанского.

— Конечно, дома, — проворчал Старыгин, — ведь сегодня у меня академический день.

Действительно, по условиям трудового договора Старыгин имел право на один дополнительный свободный день в неделю, когда он не приходил в Эрмитаж и занимался собственными научными исследованиями.

— Голубчик, забудьте! — перебил его Лютостанский. — Какой академический день? У нас здесь такое творится, такое... приезжайте немедленно! На вас вся надежда!

— Да что у вас стряслось?

— Приезжайте как можно скорее! Это не телефонный разговор!

Старыгин хотел что-то возразить — но из трубки уже неслись короткие гудки отбоя.

— Вот так всегда! — проговорил Дмитрий Алексеевич обиженным тоном. — В кои-то веки хотел провести

14 спокойное утро, позавтракать со вкусом и потом заняться давно задуманной статьей об особенностях живописной манеры раннего Тинторетто — так опять у них что-то стряслось! Обидно, Василий!

Старыгин опустил взгляд на кота, чтобы тот разделил его обиду — но кот не смотрел на хозяина: он торопливо уписывал моцареллу, которую успел стащить со стола.

— И ты, Василий! — возмущенно воскликнул реставратор. — Это подло! Это удар в спину! От тебя я такого не ожидал! Украсть у хозяина бутерброд — это недостойно воспитанного кота!

Василий торопливо проглотил последний кусочек сыра и победно взглянул на хозяина: «Ну что, чья взяла?»

— Ну, смотри у меня! — Старыгин погрозил ему пальцем. — За это посажу тебя на сухой корм на целый месяц!

Кот ничуть не расстроился — он не поверил.

А Старыгин снова тяжело вздохнул и добавил:

— Хорошо хоть, что ты не пьешь кофе...

С этими словами он поднес к губам чашку.

Впрочем, настоящего удовольствия от кофе он все равно не получил: разве можно пить капучино в спешке, да еще когда голова занята мыслями о том, что же случилось в Эрмитаже?

С трудом допив кофе, он наспех принял душ, оделся, прочитал коту прощальную нотацию и отправился на работу. Кот Василий проводил его равнодушным взглядом и отправился на кухню — надо все же поесть нормально, не пропадать же добру...

Люгостанский подждал Старыгина сразу за турникетом служебного входа.

— Как вы долго добирались! — обрушился он на реставратора. — Пойдемте же скорее!

— Куда?

— Да к вам же в кабинет! Я его туда уже отнес!

— Его? — переспросил заинтригованный Старыгин, едва поспевая за Александром Николаевичем. — О ком вы говорите?

— О Джузеппе Морозини, о ком же еще?

Ситуация начала хотя бы немного проясняться: речь шла о портрете венецианского адмирала работы Якопо Тинторетто. Непонятно было, что стряслось с этим портретом — но, судя по тому, как взволнован Лютостанский, стряслось что-то серьезное.

Они поднялись по лестнице, прошли полутемным коридором и оказались перед кабинетом Старыгина. Дмитрий Алексеевич машинально потянулся за ключом, но Лютостанский уже открыл дверь, пропустив реставратора вперед.

Кабинет Старыгина был просторным и хорошо освещенным — ведь Дмитрий Алексеевич использовал его и как реставрационную мастерскую. По стенам стояли застекленные шкафы с художественными альбомами и монографиями, между ними висели старинные гравюры и картины. В углу стоял письменный стол — разумеется, итальянский, восемнадцатого века, середину помещения занимал большой рабочий стол с разложенными на нем инструментами.

И перед этим столом на мольберте находилась картина великого Тинторетто.

На темном холсте был изображен пожилой мужчина в сверкающих доспехах. Лицо его выражало силу воли и решительность, в глазах светился незаурядный ум.

Старыгин в который раз залюбовался шедевром Тинторетто. В этом портрете в полной мере проявился девиз художника, красовавшийся на стене его мастерской: «Рисунок Микеланджело, колорит Тициана».